

лицах, кафе, балаганах мы встречаем губернатора, прокурора, камер-юнкера, помещика и купца. И только художник привлекает внимание своим трезвым взглядом на прошлое, с ним согласна интеллигентная дама Нина. Влюбленные друг в друга, они не опустились, не потеряли надежды. Остальные живут воспоминаниями о прошлом... Так, помещик тоскует по собственности: «Восемь тысяч земли имел, свою дачу в Крыму. Драгоценности какие были! Связи в Петербурге и Москве...» А другой дворянин говорит: «Если бы я обладал талантами Достоевского или Тургенева, я бы написал роман „Трагедия глупых людей“. Только теперь я увидел свою наготу...» Благородный художник рассказывает Нине, как совсем недавно встречали русских художников, артистов, музыкантов в Париже. Парижане говорили: «У русских медведей есть то, чего нет у нас».

«Эмигрантские рассказы» (Париж, 1927) дополняют и расширяют тему пьесы. В первом рассказе **«Шерстяные чулки»** автор поведал о том, как в Турцию прибыли из Крыма 65 русских кораблей с беженцами. У этих людей было все необходимое, кроме пресной воды, люди умирали от жажды. Предприимчивые греки и турки доставляли воду на корабли в бочках, но не даром, а в обмен на вещи. Пассажиры за котелок воды отдавали золотые кольца и браслеты, а те, у кого не было драгоценностей, меняли воду на сапоги, белье, чулки, носки. В рассказе **«Плещаница»** говорится о том, как уже в городе, притом в православном храме, толстый грек раздавал ветки жасмина только тем господам, кто хорошо платил. Рассказчик не получил благословения, т. к. у него не было денег. Зато в другом рассказе — **«Шведская демократия»** — русский выручает другого русского, который пытался под Новый год в ресторане пообедать бесплатно. В рассказе **«Певец»** автор с тоской сравнивает Париж и Константинополь с русской столицей: «О, божественный Петербург! Какая из столиц может сравниться с тобой?.. Только теперь, потеряв все это очарование, мы прозрели, мы поняли, что такое Ты». В **«Итальянских силуэтах»** автор вспоминает путешествие по Италии, набережные Неаполя, виды на Капри и т. д. «Это было давно» — такими словами он заключает сцену, как тепло русского встречали итальянцы (при этом забыл о встречах с Горьким и Буниным). В 1952 в Париже вышло последнее крупное произведение С. **«Ротонда»**. Герой-рассказчик, русский эмигрант, поведал о своих мытарствах во Франции, Испании, Голландии. Он ру-

ководит оркестром лилипутов. Приходится сталкиваться с разными лицами: артистами, слугами, пьяницами, проститутками, бродягами. Герой не любит свою профессию, его искусство фальшиво, быт скудный. Ностальгия владеет его душой: «Беда в том, что ничто лишнее не пристало ко мне и я ни к чему не пристал и пристать не могу; я чужд этому городу, и этой земле, и этому небу, и даже этим звездам».

Эта книга, несмотря на отдельные страницы, рисующие положение русских в эмиграции, не может сравниться с «Губернатором» или «Торговым домом». Видимо, у старого писателя ослабла сила таланта, которому нечем было вдохновляться на чужбине. Недаром С. на обложке «Ротонды» перечислил свои ранние произведения, написанные в России в пору расцвета своего дарования.

Соч.: Рассказы. Т. I–II. СПб., 1910–13; СС. Т. I–II, IV. М., 1915–17; Рассказы. Осенние скрипки. 2-е изд. М., 1916; Осенние скрипки. СПб., 1913–14; Мельница: повесть. М., 1917; Эмигрантские рассказы. Париж, 1927; Ротонда. Париж, 1952; Губернатор: роман. Ставрополь, 1981; Губернатор: повести, рассказы. М., 1987.

Лит.: Горький М. Письма к Сургучеву // СС: в 30 т. Т. 29. М., 1955; Письма М. Горького к писателям и И. Л. Ладыжникову // Архив М. Горького. Т. 7. М., 1955. (Письма Сургучева к Горькому хранятся в архиве Горького); Колтоновская Е. Рассказы Сургучева [О первом томе соч.] // Новая жизнь. 1912. № 7; А. Журнал обозрений [о романе «Следствие»] // Русская мысль. 1910. № 7; Львов-Рогаачевский В. В мире звуков [о романе «Губернатор»] // Совр. мир. 1912. № 8; Немирович-Данченко Вл. Письмо Л. Гуревич о пьесе «Осенние скрипки» // Избранные письма. М., 1954; Горбов Д. Десять лет лит-ры за рубежом (О пьесе «Реки Вавилонские») // Печать и революция. 1927. № 8; Минокин М. Ностальгия русских писателей-эмигрантов // Русь. Ярославль. 1955. № 1; Муратова К. Д. История русской литературы конца XIX — начала XX века: Библиографический указатель. М.: Л., 1963. С. 393–395.

М. В. Минокин

СУРКОВ Алексей Александрович [1(13).10.1899, д. Середнево Рыбинского у. Ярославской губ.— 14.6.1983, Москва] — поэт.

Вырос в крестьянской семье. Подобно отцу, став отходником, в Петрограде сменил ряд рабочих профессий. Оттуда в 1918 ушел на фронт. По окончании Гражданской войны вернулся на родину, стал селькором, избачом-политпросветчиком, работал в колхозе, был на партийной и комсомольской работе. Во второй половине 1920-х переезжает в Москву и развивает активную общест-

А. А. Сурков

венно-лит. деятельность. В 1928 избирается в руководство РАПП, часто выступает на лит. форумах с утверждением особого социалистического гуманизма (на I съезде писателей, на пленуме СП и др.). Сотрудничает в ЛОКАФ (Лит. объединение Красной Армии и Флота). В 1934 кончает ф-т лит-ры Ин-та красной профессуры. Как военный корреспондент с 1938 по 1945 участвует и в операциях на Западном фронте (Белоруссия), и в финской кампании, и в Великой Отечественной войне. Будучи членом КПСС с 1925, на этом поприще особо активизируется в 1950–60-е. В 1952–56 — член Центральной ревизионной комиссии КПСС, в 1956–66 — кандидат в члены ЦК КПСС. Неоднократно был депутатом Верховного Совета СССР, был членом Советского комитета защиты мира и Всемирного Совета Мира, секретарем правления СП СССР (с 1949, в 1953–59 первым секретарем). В 1969 удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Первые стихи С. были напечатаны в петроградской «Красной газ.» в 1918, а более зрелые, написанные в 1925–29, вошли в его книгу «Запев» (1930). Основной худож. принцип С. воплощен в стих. «Герой». Если его предшественниками (Н. Тихоновым, М. Светловым, Э. Багрицким) боец революции рисовался в романтическом освещении, то С. подчеркивает будничность своего героя. Но начисто лишенный экзотики «безымянный

гвардеец восставшего класса» тем не менее монументален: он «плечом подпирает боевую эпоху». «И совсем не беда, что густая романтика / Не жила в этом жестком, натруженном теле. / Он мне дорог от сердца до красного бантика, / До помятой звезды на армейской шинели».

В стихах 1930-х, вошедших в сб. «Ровесники: Вторая книга стихов» (1932), «Родина мужественных: Третья книга стихов» (1935), «Путем песни: Четвертая книга стихов» (1937), «Так мы росли» (1940) и мн. др., продолжался рассказ о таких людях, но с большей конкретизацией — о кронштадтском минере Синице, напутствующем в предсмертном слове бойцов «в последний поход» (стих. «Смерть минера Синицы»), о комиссаре, бывшем путиловском слесаре, поднимающем матросов в ночную атаку (стих. «Агитатор»), о командире отряда, где «мастера войны и мира, полководцы-батраки» (стих. «Командир Исаев»). О роли повествователя в таких стихах точно сказал близкий С. по худож. манере поэт Н. Дементьев: «Он присутствует в своих стихах и как действующее лицо. Это он утешает минера Синицу. Он пишет письмо вдове убитого бойца. Путиловский парень называет его Алешей» (Дементьев Н. Об Алексее Суркове // Красная новь. 1935. № 10. С. 205). В 1930-е по «социальному заказу» создается жанр массовой песни, и С. принимает в этом участие. Самой известной из созданных им тогда стала «**Конармейская песня**» («По военной дороге...», 1935).

И Великую Отечественную войну С. начал с создания песни — «**Песни смелых**» с ее закликательным рефреном «Смелого пуля боится. / Смелого штык не берет». Но это было создано уже и по социальному заказу, и по зову сердца. Под стих. стоит красноречивая дата — 22 июня 1941. Не случайно самым любимым в народе (и, может быть, единственным) произведением С. тоже стала песня — «**Землянка**» («**Бьется в тесной пещурке огонь...**»), созданная на передовой (под Москвой) как письмо к жене и не предназначавшаяся для печати: во время Великой Отечественной войны интимное и общенародное слились. Одновременно с песнями С. пишет и агитационно-фельетонные стихи, создавая похожие на Василия Теркина (но только внешне, не выходящие за рамки газетного жанра) образы Васи Гранаткина (совм. с А. Прокофьевым и А. Безыменским), Гриши Танкина (совм. с Ц. Солодарем). Жанр др. произведений С. этих лет (сб. «**Фронтная**

тетрадь: Июль–август 1941», «Декабрь под Москвой: Июнь–декабрь 1941», 1942, «Дороги ведут на Запад: Январь–май 1942», «Я пою победу: 1943–1945», 1946 и мн. др.; С. опубликовал тогда 17 стихотворных книг) не случайно определяют как лирическая хроника: с одной стороны, видно стремление автора к хронологической точности (знаменательны даты в названиях книг), с другой — к лирической проникновенности. Среди таких стихов выделяются «Лес притаился, безмолвен и строг...», «Человек склонился над водой...», где поэт воплощается в своего героя и передает движения его души. Или стих. «Бессмертие», повествующее об угасании смертельно раненного солдата (его поэт сравнивает с гаснущей свечой) и завершающееся обращением к умирающему: «И весь в свеченье небосвод высокий. / И степь под снегом празднично светла. / Ты слышишь? В травах оживают соки / От каждой капли твоего тепла». Стих. наполняется даже философским смыслом.

В послевоенные годы С. много путешествует в составе лит. и общественных организаций. Видит и Иран, и Англию, и Китай, и Индию... На основе впечатлений от поездок создает книги «Миру — мир!» (1950), «Восток и Запад» (1957), «Песни о человечестве» (1961). И хотя первая была удостоена премии (правда, Сталинской), нигде за рамки прикладной политической публицистики поэт не выходил. Общественный темперамент С. заглушил поэтический. В жанре лит. критики он написал ряд статей, составивших книгу «Голоса времени: Заметки на полях истории литературы. 1934–1965» (1965). Переводил с украинского, белорусского, венгерского, урду и др. яз.. Занимался и редакторской работой: он ответственный редактор «Лит. газ.» (1944–46), ж. «Огонек» (1945–53); с 1962 по 1975 — главный редактор «Краткой литературной энциклопедии» (8 томов). Писал вступ. статьи к поэтическим книгам, в частности Демьяна Бедного и Анны Ахматовой.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1965–66; СС: в 4 т. М., 1978–80; Эстафета дружбы: стихи зарубежных поэтов / пер. А. Суркова. М., 1968; После войны: стихи 1945–1970 годов. М., 1972; Шаги времени: Стихотворения, маленькие поэмы, песни. М., 1983.

Лит.: Кулинич А. Алексей Сурков. Киев, 1953; Владимир С., Молдавский Д. Стихи Алексея Суркова. Л., 1956; Гринберг И. Поэзия Алексея Суркова. М., 1958; Резник О. Алексей Сурков. 3-е изд. М., 1979.

Г. В. Филиппов

СУХОВ Федор Григорьевич [14.3.1922, с. Красный Оселок Лысковского р-на Горьковской обл.— 7.1.1992, там же] — поэт.

Участник Великой Отечественной войны, после демобилизации работал в колхозе, в 1954 окончил Лит. ин-т им М. Горького. Первые стихи опубликовал во фронтовой печати. Автор сб. стихов, выходявших в Москве, Горьком и Волгограде: «Родные просторы» (1954), «Поспевают ягоды» (1956), «Половодье» (1958), «Дождь сквозь солнце» (1961), «Стихи» (1963), «Голубая улица» (1961), «Малиновый звон» (1967), «Лепестки» (1968), «Моя жар-птица» (1964), «Красный Оселок» (1970, 1984), «Мое призвание» (1971), «Былина о неизвестном солдате» (1972), «Светло красуйтесь» (1974), «В гостях у незабудок» (1975), «Песня лета» (1978), «Земляника на снегу» (1979), «Ясень» (1979), «Сладкая полынь» (1978), «Плач Ярославны» (1982), «Лешева дудка» (1987), «Постать» (1988), «Мать-и-мачеха» (1989).

Творческая индивидуальность С. определилась не сразу, не с первого сб. стихов, как это было у мн. поэтов фронтового поколения:

Ф. Г. Сухов